

Холод.

Пронизывающий до костей холод вернул Лин Сину слабое подобие сознания. В тумане смутного восприятия его голова будто наливалась свинцом, во всём теле не чувствовалось ни капли силы, сам он был словно комок рыхлого хлопка – пустой и бесплотный.

Вдруг резкий, пронзительный звук разорвал тишину у самого уха, и оглушительная музыка пронзила мозг, заставив его пульсировать от боли. Такой мощной проникающей силы можно было ожидать только от суоны. Этот шум прояснил сознание Лин Сина – он медленно открыл глаза и столкнулся взглядом с полуразрушенным божественным изваянием.

У статуи отсутствовала половина лица, и в тот момент, когда из тёмной полости выползла крыса, Лин Син вздрогнул от испуга, сердце забилось в груди с бешеной силой. Не успел он прийти в себя, как за пределами полуразвалившегося храма раздался женский голос, по громкости и пронзительности ничем не уступающий звуку суоны:

— Быстрее, быстрее тащите гера наружу! Опоздаем к счастливому часу – будет беда!

Голова Лин Сина всё ещё кружилась, он едва уловил как сквозь вату, что снаружи приближаются торопливые, сбивчивые шаги, и вскоре его уже под руки подняли две пожилые женщины. Стоило только подняться, как в глазах у него потемнело, всё перед взором заплесало. В голове вдруг резко не хватило крови, и он едва снова не потерял сознание.

С огромным трудом придя в себя, Лин Син почувствовал тупую боль в руке. Две старухи, хоть и выглядели щуплыми, на деле обладали немалой силой – пальцы их сжимали его предплечья так крепко, что мышцы у него дёргались от боли. Скорее уж, Лин Сина не вели под руки, а попросту волокли.

Всё происходило слишком быстро и внезапно, он был в полном замешательстве. Последнее, что он помнил: он пошёл на могилу бабушки, чтобы почтить память, но внезапно начался ливень, и он оказался отрезан в горах. Не повезло – сошел оползень, и его завалило. А вот происходящее сейчас он совершенно не мог ни с чем связать.

Яркий дневной свет слепил глаза, ледяной ветер, точно лезвие, резал кожу. В расплывчатом взгляде, полном тумана, он, кажется, заметил какое-то алое пятно, а мелодия суоны становилась всё более радостной и торжественной, будто звучала на свадьбе. Вспомнив кое-какие обычаи, что ещё сохранялись в деревнях, Лин Син вздрогнул от ужаса. Неужели... его выкопали для потустороннего брака?

Успешно испугав сам себя, Лин Син внезапно почувствовал, как в голове вспыхнул и развернулся чужой поток воспоминаний.

Поток воспоминаний нахлынул слишком резко, информации было так много, что Лин Син почувствовал, будто его голову разрывает на части. Две старухи, державшие его под руки,

заметили, что он сжал веки и насупил брови так, будто страдал от страшной боли, и тоже немного встревожились.

Одна воскликнула с испугом:

— Ай, да не случилось бы так, что хотели через брак жизнь вернуть, а в итоге парня-то и вовсе угробили!

Другая внимательно оглядела Лин Сина - его состояние действительно выглядело ненормальным. Не говоря ни слова, она схватила его за кисть и со всей силы вдавила пальцы в основание большого пальца в точку хугу.

— А-а-а!

От такой хватки, словно железными клещами, Лин Син закричал. Боль была резкой и пронзительной. Если бы он и в самом деле был мёртв, такая пытка, пожалуй, выдернула бы его обратно к жизни.

Старуха, вцепившаяся в его руку, с облегчением произнесла:

— Кричит громко, голос крепкий - не умрёт.

Другая, та, что боялась за него раньше, тоже выдохнула спокойно и поспешно добавила:

— Ну, скорей тащим его в дом старика Шэня, получим деньги за брак и поедим на свадьбе. Лучше и быть не может!

Лин Син всё ещё чувствовал жжение в месте, куда вдавились пальцы, но головная боль отступила. Он не обращал внимания на происходящее вокруг, сейчас вся его энергия уходила на то, чтобы переварить чужую, только что возникшую в его голове, память.

Он умер.

А затем... переродился.

Он очутился в незнакомой династии Юй. В этом мире существовало три пола: мужчины, женщины и так называемые геры.

Геры внешне обладали мужскими чертами, однако не могли оплодотворять женщин. Более того, их телосложение отличалось от обычных мужчин - у них был детородный орган (□□, буквально «отверстие для беременности»), и они могли вынашивать и рожать детей

самостоятельно.

Лин Син вселился в тело гера, полного его тѣзки. Прежний владелец тела родом был с юга, из богатого и зажиточного края, семья его жила в достатке. Но летом на ту золотую землю обрушилось наводнение - вода из озера вырвалась из берегов и затопила весь город. Число пострадавших стремительно росло, власти не справлялись. Да и самоуверенности у местной администрации было немного, ведь династия Юй была основана совсем недавно, ситуация в стране оставалась нестабильной, силы в разных регионах перетягивали канат в свои стороны, и даже если чиновники и хотели бы помочь, возможности действовать у них не было, слишком много было тех, кто этому мешал.

Когда людям нечего есть, беда не заставляет себя ждать - первыми страдали как раз те, у кого оставались хоть какие-то запасы. Остатки припасов семьи Лин тоже быстро украли, и, не имея другого выбора, они отправились в путь, спасаясь от голода.

Некоторые из бедняков, скитавшихся по стране, в конце концов превращались в разбойников, повсеместно творя злодеяния. Обычные люди, и без того ищущие спасения от голода и разрухи, были вынуждены не только прятаться от этих банд, но и бороться с болезнями, вызванными длительным недоеданием. Кто-то погибал от недугов на пути, кто-то ради выживания продавал самого себя. А иных судьба разлучала с близкими в бесконечных попытках спастись от грабежей и насилия.

Оригинальный владелец тела добрался до этих мест, когда силы его уже почти покинули. От голода кружилась голова, жизнь едва теплилась, дыхание было последним, что ещё держало его на этом свете. Услышав, что в деревне Сяо Лю семья Шэнь ищет кого-то, чтобы взять в дом для брака чунси, он сам вызвался, только бы не умереть с голоду. Он не мог позволить себе умереть, ему нужно было найти младшего брата, Лин Юэ.

Мать умерла при родах, и, перед самой смертью, поручила ему заботу о брате. Но по его невнимательности и беспечности, во время бегства, мачеха продала мальчика, выменяв его... на лепёшку.

Желая разыскать брата, он отделился от и без того малочисленного отряда беженцев. Он знал лишь то, что его младший брат находится где-то в пределах этого уезда, но точного местоположения не знал.

Семья Шэнь, со своей стороны, тоже спешила найти кого-то для чунси*, потому, завидев добровольца, особенно не перебирала. По обычаю новобрачный не мог напрямую вступить в дом мужа. У прежнего Лин Сина здесь не было ни родни, ни дома. К тому же, такие «браки» считались в некотором смысле неблагоприятными, и семья Шэнь, не желая, чтобы соседи портили отношения из-за дурных предзнаменований, не стала просить кого-то приютить жениха и велела ему выходить из старого заброшенного храма.

(ПП: Старинный обычай, когда смертельно больному человеку находят супруга, чтобы «радостное событие» (свадьба) отогнало болезнь и злых духов. Часто жертвами этого обычая

становились именно бедные или бесправные люди.)

Став фуланом в доме Шэнь, он мог бы обрести местную прописку, иметь крышу над головой и еду. Семья Шэнь даже пообещала помочь в поисках младшего брата. План у него был вполне здоровый, но, увы, тело его больше не выдержало. После единственного сытного обеда прежний Лин Син умер прямо в той самой полуразрушенной обители.

А дальше всё было делом случая: современный Лин Син погиб в грязевом оползне, и, по неведомой причине, его душа вселилась в тело Лин Сина из династии Юй.

После того как воспоминания окончательно уложились в голове, Лин Син по-прежнему чувствовал слабость во всём теле. Кроме того единственного момента, когда боль в точке хугу была настолько острой, что он закричал, сейчас у него не оставалось ни сил, ни дыхания, даже чтобы вымолвить слово. Он ощущал себя словно марионеткой - тело его не слушалось, и всё, что он мог, это позволять двум старухам тащить себя вперёд.

К счастью, зрение постепенно прояснилось. То, что находилось вблизи, теперь он уже мог разглядеть, в отличие от того, как было в начале, когда всё вокруг оставалось сплошным размытым пятном.

Семья Шэнь жила не в самой деревне, а особняком, у подножия горы, в единственном доме на всём склоне. Хижина была сделана из глины и соломы, снаружи её окружал ветхий плетень. Развалившийся храм, где он очнулся, находился недалеко от дома Шэнь, и вскоре процессия добралась до места.

— Новый фулан прибыл в дом!

Вслед за громким возгласом свахи суона заиграла с новой силой, мелодия стала ещё радостнее, звонче. Слух у Лин Сина уже вполне восстановился, и теперь звучание суоны казалось ему оглушительным, как будто играли прямо у него в голове. Каждая нота отзывалась нервным подёргиванием в висках, вызывая резкую головную боль.

Сваха, выкрикнув, что фулан прибыл, тут же продолжила громко:

— Жених, скорее выходи встречать супруга!

Не успела фраза отзвучать, как Лин Сина передали в чужие руки. Перед глазами мелькнула ладонь, обмотанная полоской ткани, в воздухе даже витал слабый запах крови. Лин Син был слишком слаб. Как только старухи отпустили его, он едва успел бросить взгляд на протянутую ему мозолистую руку и тут же начал заваливаться вперёд.

Но в ту же секунду его резко подхватили: сильная рука резко, уверенно сомкнулась на талии, он даже почувствовал, как ноги оторвались от земли. Мужчина, державший его, был крепким,

с внушительным телосложением. На дворе стоял лютый холод, но на нём было совсем мало одежды, и всё же его ладонь, прижатая к талии Лин Сина, ощущалась почти обжигающе горячей.

Лин Син запрокинул голову и увидел, насколько тот высок, должно быть, не меньше метра девяноста. С его собственного роста он мог разглядеть лишь резко очерченную линию подбородка, прямой нос и тонкие, плотно сжатые губы. К своей ситуации Лин Син отнёсся вполне спокойно, он всегда умел быстро адаптироваться. Раз уж оказался здесь, то будет жить, как есть. Что будет дальше, станет ясно шаг за шагом.

Но одно Лин Син никак не мог понять: ведь, вроде как, речь шла о «браке чунси», так почему этот человек выглядит совершенно здоровым?

— Ты сам идти можешь? — голос у мужчины был низкий, с хрипотцой, с той особенной хриплой бархатистостью, в которой слышалась холодная отчуждённость.

Лин Син очнулся от мыслей, приоткрыл рот, чтобы что-то ответить, но так и не смог издать ни звука. Всё, что ему оставалось, это покачать головой. Не услышав ответа, мужчина опустил взгляд, чтобы посмотреть на него, и Лин Син, наконец, смог разглядеть его лицо. Это лицо было настолько красивое, что даже пугало в своей резкой, почти агрессивной мужественности. Брови нависали над глазами, между ними залёг холодный, неприветливый изгиб, а полное отсутствие выражения на лице придавало всему облику пугающую отчуждённость.

Поняв, что тот не заметил его жеста, Лин Син снова покачал головой. Мужчина слегка нахмурился, но больше ничего не сказал. Он просто присел и подхватил Лин Сина на спину, понёс его в главный зал дома.

Главный зал дома Шэнь оказался довольно просторным. Старики из семьи Шэнь были одеты в залатанную одежду. Вещи хоть и ветхие, но чистые, и в целом производили аккуратное впечатление. Сейчас они сидели по обе стороны стола, на лицах сплошь морщины тревоги, но в глазах при этом читались и напряжённое ожидание, и слабая, дрожащая надежда. Оба с волнением всматривались в сторону двери.

Сваха громко провозгласила:

— Настал счастливый час! Фулан входит в дом! Совершается брак!

Старики из семьи Шэнь изо всех сил старались взбодриться, вымученно улыгнулись и посмотрели на Лин Сина, которого внесли на спине. Сваха вошла следом и ещё какое-то время произносила торжественные, благопожелательные фразы, а потом начала проговаривать ритуальные слова:

— Первый поклон Небу и Земле.

— Второй поклон родителям.

— Поклон супругов друг другу.

— Отправляемся в комнату новобрачных.

Во время церемонии поклона Лин Сина поддерживала сваха, помогая ему совершать ритуальные движения, иначе он бы попросту рухнул на пол. Как только обряд завершился, те самые две старухи, что тащили его сюда, вновь взяли его под руки, с обеих сторон, и повели в восточную комнату.

Не успели они даже приподнять дверной полог, как Лин Син уже почувствовал резкий, густой запах лекарств. Когда вошли внутрь, аромат стал ещё насыщеннее, настолько едким, что ударял в нос и поднимался к самой голове.

Хорошо хоть, помимо лекарственного духа, других неприятных запахов в комнате не было, Лин Син это стерпеть мог. Он и сам был на грани - тело его ослабло до предела, одежда на нём была тонкой, не способной удержать тепло. Видя, как кожа у него становится лиловой от холода, старухи только и смогли, что затолкать его прямо под одеяло.

В комнате было довольно темно, почти не проникал свет. К тому же зрение Лин Сина ещё не восстановилось полностью, и лишь когда он подошёл ближе, то заметил, что на кровати уже лежит кто-то. У того человека лицо было пугающе бледным, под глазами отчётливые тени синевы, а тело истощено до такой степени, что на него больно было смотреть. Если приглядеться к чертам лица, то в нём действительно можно было найти сходство с тем высоким и крепким мужчиной снаружи.

Лин Син посмотрел на лежащего на кровати и всё понял. Именно этот человек, прикованный к постели, и был его официальным мужем. А тот, кого он видел на улице, всего лишь заменил его на церемонии.

Слава небесам, семья Шэнь всё-таки нашла живого человека для обряда, а не заставила его совершить брак с курицей.

...

Хотя дом у семьи Шэнь и был беден, с угощением на свадьбу они постарались. Пусть и стоял пронизывающий холод, гостей собралось немало, даже дрожая от мороза, они всё равно садились за столы. Всё дело было в жадном желании попробовать хоть кусочек мяса. Деревня Сяо Лю славилась бедностью, такой, что даже в праздники мало кому удавалось поесть чего-нибудь мясного. Все знали, что накануне свадьбы семья Шэнь зарезала свинью, об этом говорила вся округа. Так что ради куска свинины стоило помёрзнуть.

Снаружи прогремели петарды, и тут же началось угощение. Для деревенских главное было мясо в чашке. Горячее оно или холодное, никого не волновало: если это мясо, значит, можно есть.

А тем временем в восточной комнате Лин Син и его больной муж лежали рядом, каждый на своей стороне. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он услышал слабый, едва различимый голос рядом:

— Меня зовут Шэнь Хуан. А тебя?

<http://bllate.org/book/13938/1228663>